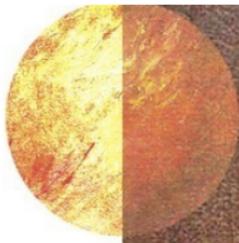

литературно-художественный альманах

Ты слышишь ли меня?

Виктор Сергеевич Елманов
Ты слышишь ли
меня? Литературно-
художественный альманах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338548

ISBN 9785448575051

Аннотация

Литературно-художественный альманах. Рассказы и стихи для взрослых и детей. Публицистика, краеведение, творчество детей.

Содержание

Вместо предисловия	5
ПРОЗА	8
Наталья КАРАВАНОВА	8
КРОЛИК И УДАВ	8
Нина ВЕСЕЛОВА	38
БУМЕРАНГ	38
1	38
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ты слышишь ли меня?
Литературно-
художественный альманах

Редактор Виктор Сергеевич Елманов

ISBN 978-5-4485-7505-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Это первый номер литературно-художественного альманаха с таким названием, который издает Костромское региональное представительство Союза российских писателей. До этого в разное время, с разной периодичностью выходил литературно-художественный альманах «Козий парк» (вышло 4 номера, учредитель и главный редактор Олег Губанов).

С момента выхода последнего номера «Козьего парка» (лето, 2011 год) прошло 5 лет, некоторые авторы альманаха за это время издали свои книги. Одни при поддержке Министерства культуры РФ, другие в издательстве «Эксмо» или «Ridero», третьи – либо за свой счет, либо при поддержке департамента культуры Костромской области. Но то, что издано – часть того, что у авторов написано, что лежит в столе не один год. Первый номер альманаха «Ты слышишь ли меня?» – малая доля этого неизданного. Хотелось, чтобы следующие номера альманаха могли и дальше знакомить читателя с этими неопубликованными стихами, прозой, публицистикой. Альманах намерен публиковать не только литературные произведения членов нашего регионального представительства Союза российских писателей, но и авторов, которые близки по духу нашему изданию.

Название альманаха «Ты слышишь ли меня?» – парафраз

на строчку Федора Тютчева «Ангел мой, ты видишь ли меня?» Но у нашего названия несколько иной подтекст. Может быть, поэтому в начале альманаха помещено стихотворение Нины Веселовой, которое обращено не только к авторам, но и к читателям.

Не верь чужим словам.
Произнеси своё.
И пусть оно задержит ту минуту,
Когда зарёю ранней окоём
Под небом закраснеется прогнутым.

Такого мига не было ещё,
И никогда такой не повторится.
Укрыта старым сереньким плащом,
Рассветно зашевелится станица.

Потянутся колодцы-журавли,
Готовясь клювы погрузить в прохладу...
Ты тихим звукам трепетно внемли
И всё запоминай, поскольку – надо!

Впервые на луга падёт роса
И бликами взыграет под ногами.
И деловито старая оса
Направится гудеть над берегами,

Разыскивая в юбочках цветов

Запасы благодатного нектара.
Не оставляя в небесах следов,
Промчатся молча облаков отары.

И брызнут долгожданные лучи,
Подхваченные хором птичьих трелей...
Останови дыханье и молчи.
Когда-то до тебя вот так смотрели

В лицо рассвета предки. И слова
Пытались тоже находить тревожно.
И счастливо кружилась голова
В сознании, что всё на свете можно.

И каждый день нам подтверждает снова:
Для продолженья жизни нужно Слово.
И если оно истинно своё,
Охватится зарёю окоём.

ПРОЗА

Наталья КАРАВАНОВА

КРОЛИК И УДАВ

Закат упал за крыши торгового центра, привычно, словно соблюдая неприятный ежедневный ритуал. Холодно.

На площади под баннером с ликом мессии уже начал собираться народ. В рваных отсветах рекламы и лицо Спасителя, и лица граждан похожи на грубые одинаковые маски, заготовки масок. а белые одежды в дискотечных отсветах фонарей кажутся грязно-серыми. Мой собственный плащ от них, скорей всего, ничем не отличается, но это правильно: все мы грешны изначально и разве имеем право на чистоту? Мы – всего лишь промежуточный этап, еще не существование, начало. Так говорит наш батюшка. Чтобы хоть чуть приблизиться к истинной святости, нужно вложить очень много труда...

Девятнадцать ровно. Сейчас начнется. Толпа двинется вперед, и я поддамся общему движению, радостно включаясь в поток.

Это глоток чистого воздуха, приобщение к таинству, свя-

тое единение мыслей и чаяний всех людей на земле. Причастие к его свету. Это всегда как в полет: вместе со стаей белых птиц...

Загорелись осветители, и мы замерли в ожидании. Уже скоро...

Я каждый раз пытаюсь угадать, с какой стороны он появится, единственный и неповторимый наш отец Евстигней. И каждый раз ошибаюсь.

Вот он. Темное облачение его кажется чище и светлее, чем нарочито-белые накидки паствы. Все верно, он пастырь, мы паства. Он тот, кто ведет, мы... мы пойдем за ним. Пусть будет тяжело, пусть хоть как будет больно и страшно, но мы пойдем. Как Спаситель однажды пошел за всех нас на муки и смерть, как святые великомученики... как люди.

Мы же люди, мы должны пройти это до конца. Не искать малодушно отсрочки, не прятаться. Отринуть ложь. Отринуть ненависть и зависть. Во имя тех, кто придет за нами, во имя тех, кто увидит своими глазами Великий день.

Я улыбаюсь, глядя на отца Евстигнея. На его печальное, доброе лицо. На руки, поднятые в приветствии...

Тишина. Как же тихо стало на площади! Слышно, как кричат галки в ближнем сквере. Слышно, как пищит звуковой сигнал светофора. И в этой тишине, хрустальной, совсем еще зимней тишине, внезапно появляется его голос.

– Христиане! Братья и сестры... Все, кто внимлет слову Его...

Я не дышу. Не дышат и те, кто вокруг. Ловим каждый звук, каждую интонацию, каждый оттенок. Не важно даже, что он сегодня скажет. Не важно. Он знает, этого достаточно. Важно, что он приходит к нам, говорит с нами. Что дарит возможность себя слушать, дарит надежду.

– ...страх, вот что приведет нас к настоящей беде... ..это страх перед будущим, пред тем, что было начертано человечеству много веков назад. Чего же мы боимся? Боли? Смерти? Но боль очищает, а смерть – всего лишь мгновение, крохотный шаг на пути к вечной жизни. Разве этого стоит бояться? Да и страх не настоящий, ибо и боль, и смерть предстоит пережить не нам. Грех, вот чего следует бежать. Мы с вами, именно мы, наше поколение способно силой своей веры, праведностью своей, смягчить гнев Его в час Страшного суда... Так не уподобимся же крысам, что бегут с тонущего корабля, ведь мы не крысы, мы люди и должны пройти до конца этот путь, каким бы трудным он ни был...

Я вздрогнула, уловив созвучие своих недавних мыслей с речью отца Евстигнея. Как он угадал? Как ему вообще удастся так точно читать в сердцах наших, в душах наших? Каким образом он всегда находит такие простые, такие правильные слова?

– Кролик.

Я вздрогнула, словно поперек спины меня вытянули тонким стальным прутком. Больно. Дурацкое прозвище, прикипевшее ко мне в детстве. В школе. Я думала, что забыла, про-

стила их. Что за годы, отсчитанные с фотовспышки нашего коллективного снимка на выпускном балу, все эти глупости стерлись из памяти. А нет. Я, оказывается, злопамятная. Я помню...

– Эй, Кролик!

Некрасивая и не самая умная в классе. Ну, теперь-то я могу признаться хотя бы себе, что именно такой я и была.

Терпение. И еще – смирение.

Я поворачиваюсь, медленно и, хочется верить, спокойно. Точно знаю, что окликнули именно меня.

Он стоит в двух шагах. Перекатывает во рту не то палочку, не то обломок спички. Черная ворона на фоне белых одежд.

Сидел когда-то за последней партой у окна. Самый высокий в классе был.

Запомнился тем, что очень метко умел плевать из трубочки жеваной бумагой. Это было не больно, но обидно. Особенно обидно было сознавать, что ты – мишень не единственная, но любимая. А больше ничем не запомнился. За все восемь лет знакомства мы и парой слов с ним не перемолвились. Как же его звали? Саша? Слава?

Саша-Слава чуть склонил голову набок, разглядывая меня с каким-то странным интересом. Так незнакомых жучков рассматривают. Угодивших в тарелку. Перед тем как выловить и выкинуть.

– Кро-олик, – повторил, чуть растягивая слова. – Ну, здравствуй.

Я кивнула. Свет от фонаря скользнул по лицу бывшего одноклассника. Что же, он мало изменился. В том плане, что он по-прежнему красив. Именно красив, а не «хорош собой» или просто «привлекателен». Наверное, его девушки любят. Красивые, дерзкие, даже умные, потому что дураком и сам он, этот Саша... нет, все-таки, Слава... никогда не был.

Я хорошо запоминаю лица и никогда не путаю людей, а вот с именами почему-то не получается.

– Тебе нравятся уличные проповеди?

Нравятся? Какая дурацкая постановка вопроса. Тебе нравится, что сегодняшний день называется вторником?

Пожала плечами. Достаточно нейтрально, чтобы не спровоцировать продолжение разговора.

Но он усмехнулся. Спросил:

– Ты что, в одночасье онемела? Или стесняешься?

– Нет. Я слушаю отца Евстигнея. Мне это интересно.

Что он привязался? Что ему от меня надо? Ведь видно же, что кроме пренебрежения он ничего ко мне не испытывает, да и не может испытывать.

– Значит, слушаешь... а я тебе мешаю. Отвлекаю. Не даю причаститься истины...

– Да.

Обратиться к нему сейчас на «ты» – значит, подтвердить его право и дальше вести разговор в таком тоне. А «выкать» бывшему однокласснику и вовсе глупо.

Он, наконец, выплюнул свою спичку, провел рукой по во-

лосам. Я поняла, что он смотрит мне в глаза. Довольно давно уже. Удерживает, не отпускает.

– А живешь ты в общине. – Не вопрос, снова констатация. А вот и не угадал.

– Нет. Не в общине.

Кажется, мне удалось его немного озадачить.

– Почему?

Ну, и как объяснить?

А собственно, чего стыдного в моей ситуации?

И все-таки, рассказывать о себе этому... этому Славе... Саше? Противно.

– Так надо.

Медленно кивнул, опустил глаза. Вот тогда бы мне и отвернуться, показательно отвернуться, дать понять, что разговор окончен. Но я, как была дурехой тугодумистой, так ей и осталась. Успела только подумать об этом, а сделать...

– Есть хочешь, Кролик?

– Сейчас пост.

– Ну, не росой же одной вы в пост питаетесь? Я тебе ресторан и не предлагаю.

– Нет.

– Крольчатина, я же вижу, что ты врешь. Меня что ли боишься? Так не бойся, я кроликами не питаюсь. Пойдем. Я тебе капустки куплю...

Издавательство было слишком очевидным, слишком честным...

Вот именно, честным. Настолько, что и крыть нечем. Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива. На ложь и оговор обижаться глупо. И то и другое – вещи непрочные, хрупкие. А вот правда... она действительно имеет свойство колоть глаза.

Но я сильная. Я все чудесные школьные годы с этой правдой рука об руку шла. И сейчас выдержу.

– Я никуда не пойду, – отвечаю спокойно. Поворачиваюсь к сцене, где продолжается проповедь. Отец Евстигней, помоги мне! Твой голос всегда меня выручал. Уверенный твердый голос человека, знающего истину...

– Еще как пойдешь. Тебе же хочется пойти? Нет? Тебе страшно и любопытно. И тебе интересно пройти по улице именно со мной: я тебе нравлюсь...

Самонадеянная скотина! Что тебе от меня надо?

Я разворачиваюсь снова. Чтобы ударить. Нет. Нельзя! Смирение. Прощение. Нет гордыни, нет боли. Но сил терпеть это тоже уже нет, и я кричу:

– Иди к дьяволу!.. Иди... к дьяволу...

Они поворачиваются к нам – десятки лиц. Хмурых, встревоженных, раздраженных...

Я разбила тишину. Ту хрустальную тишину, в которой звучал голос отца Евстигнея, я это сделала... Господи, прости меня...

Но сделанного не отменишь, как не отменишь Второе пришествие и Страшный суд.

Да как. Какими словами... как язык-то повернулся...

– А ведь они тебя сейчас ненавидят, кролик. – Задумчиво произнес мой бывший одноклассник. – Посмотри на их лица... ты помешала им слушать, и...

– Это просто раздражение. – Ответила я как можно спокойнее. – Смирение – добродетель, но раздражение – не грех. Не смертный грех...

оставаться и дальше на площади было уже невыносимо. Я побрела домой. По сторонам не смотрела, и старалась даже не думать, что буду делать, если этот Слава пойдет за мной. Да, точно. Именно Слава, а не Саша. Причем, полное имя – Ярослав... а фамилия простая, распространенная – Смирнов. Потому я сразу и не вспомнила, такая незаметная, сглаженная фамилия.

Улица тиха и безлюдна. Даже машины не шумят. Значит, уже девятый час? Народ расселся перед телевизорами и компьютерами. Кто-то ужинает, кто-то читает молитвы, кто-то спит.

Плывут над трассой навязчиво яркие баннеры, сквозь них сыплется мелкая снежная пыль. Март. Март заканчивается, скоро лето. А потом еще лето, и еще. Целая жизнь, как испытание. Целая жизнь испытательных лет...

Нормальная такая, человеческая жизнь. Полноценная. За ней – еще будет поколение. А потом всё. Совершенно точно, документально подтвержденное «всё». Библейское «все». «Всё», снабженное знаменами ровно настолько, что-

бы каждый видел воочию и бесполезность борьбы, и свет надежды.

Потому что если сбываются «звезда польнь» и «саранча», то почему не сбыться всему остальному? Всем иным пророчествам святого писания? И новый приход Мессии. И Армагеддон. И Страшный суд.

Не надо бояться, прав отец Евстигней.

А дома брат с бананами в ушах и заначкой марихуаны. У него своя теория. Если все равно ничего не останется, так зачем беречь хоть что-то? Надо успеть взять то, что хочется. А чего не хочется, того не жалко. Их много, таких вот, как Дюшка. Десятки и сотни. Их становится все больше, ибо нашу надежду они не приемлют, а своей надежды у них нет. Брату тринадцать, но он уже меня перерос.

Ватага вывалила из арки мне навстречу. Десятка полтора их. В руках у кого палки, у кого и куски железной арматуры. Погромщики. Девчонки тоже есть. Милиция и добровольческие церковные дружины задерживают их без счета каждый день, но покоя хватает ненадолго. Я думала, мимо пройдут, как всегда раньше проходили. Но нет. Остановились, обступили со всех сторон. Я еще не испугалась, не успела. А один из них выкрикнул:

– Свято-о-ша! В белом!

– Дайте пройти, – как можно спокойней попросила я.

Заржали, подступили ближе. Тот, первый, ему лет пятнадцать, не больше, поднял железяку, и очень серьезно сказал:

– За то, что мамку мою списали... я вам никогда не прощу! Слышите? Никогда!

Списали. В нашем районе это когда-то означало – убили. Или подставили так, что человек без вины попал в тюрьму. Мальчику соврали. Господи, прости его...

– Тебя обманули, – тихо сказала я. Я еще с института помню правило. Хочешь быть услышанным, говори тише. Прислушаются.

– Да ладно!

Он ударил. Быстро и сильно, но я увернулась. От второго удара не увернулась бы, но второго удара не последовало. Последовал тихий хлопок где-то сбоку, и ровный голос, произнесший одну короткую фразу:

– Брысь, шавки!

Они побежали. Кажется.

Я обнаружила себя сидящей на асфальте, в грязной луже. Хлопок – это был выстрел.

– Вставай, Кролик. Никто тебя не тронет.

Глупо как, Господи. Он, значит, за мной шел. Зачем? Медленно встала, отряхнулась. Ну, и что дальше?

– Испугалась?

– Нет.

– Значит, ты так и живешь в этом районе? Понятно. Пожалуй, можно было догадаться. Скажи, Кролик, а твой отец сейчас дома?

Ну, вот и причина. Он заговорил со мной только потому,

что ему нужен мой отец. Я-то гадала, в чем дело...

И вот еще вопрос, где Ярослав Смирнов пропадал весь последний год? Потому что...

– Мой отец умер чуть меньше года назад.

Прищурился недоверчиво:

– Академик умер? Именно умер? Странно...

– Ничего странного. Инсульт.

– Да? Ммм... ну, теперь понятно, почему... а Андрей живет с тобой. Поэтому ты еще не в общине. Ему ведь нет шестнадцати?

– Тринадцать.

– Ага. Детское пособие уже не получает, а работать еще не может...

Господи, да как я этого оболтуса брошу? Он же пропадет без меня. Свяжется со шпаной... уже связался. Но пока есть я, он способен оглядываться назад и не совершит ничего совсем уж непоправимого.

– Жаль. Соболезную.

Я отвернулась. Отчего-то болела правая нога. Наверное, ушибла, когда упала. Ничего. До дому как-нибудь дохрамаю.

– Погоди.

Я остановилась в арке. Ну, что еще?

– Ты веришь ему? Священнику, который проповедует на площади? Веришь?

– Верю.

Злость и внезапно прорвавшаяся тоска заставили меня

развернуться к нему лицом. Сейчас я – в тени арки, а он весь на виду. Весь, от дорогих ботинок до влажных, блестящих в свете фонаря, волос. Действительно, красавчик. Иные наши с ним сверстники успели обзавестись брюшком, а кое-кто и лысиной. А этот – подтянут, ухожен, одет. Все ведь выяснил, что было нужно, зачем же продолжать эти тягостные расспросы?..

– Верю. Потому что он предлагает надежду. Надежду для всех. На спасение. На вечную жизнь...

Он хотя бы не отворачивается равнодушно.

Кивнул. Как-то печально произнес:

– Глупый-глупый кролик. Я к тебе зайду. На неделе.

– Здравствуй, дочь моя. У тебя что-то случилось?

– Здравствуйте, бабушка...

Убранство в кабинете самое обычное, совсем не церковное. Да это и не церковь. Общественная приемная.

– Проходи, присаживайся.

– Да, конечно. Я только хотела узнать... мою просьбу уже рассмотрели?

– Рассмотрели, и приняли положительное решение. Наша община с удовольствием примет тебя.

Все. Все, назад пути нет. Сложилось, словно пазл...

Тетя Лена сама позвонила и предложила взять Андрюшку к себе. Там у нее, в Кологриве, брату будет лучше. И семья большая, и пригляд. И он, кажется, даже не расстроился.

Мое давно ожидаемое увольнение случилось на следующий день.

Кто говорит, что у нас есть выход? Что мы вольны выбирать свой путь? Ничего подобного.

Что я могу в этой ситуации? Пойти, записаться добровольцем в «Звездную армаду»? Денег выплатили чуть, хватит только, чтобы пару раз заплатить за коммунальные услуги. И неизвестно, когда удастся найти работу.

– Спасибо!

– Вот и замечательно. Сейчас тебе подписывать ничего не надо. А завтра приезжай. Вещей из дому много не бери, здесь все есть. Вот, возьми визитку. По ней тебя пропустят в ворота.

– Спасибо. До свидания!

Весна на улице словно вырвалась на свободу – акварель неба, прозрачность облаков. Воздух пахнет солнцем, сухим асфальтом, талой водой. Как же я люблю такую погоду! Снега еще навалом, но ясно – у зимы шансов не осталось. Ни полшансика. Все, время перешагнуло через незримую границу, и назад пути нет...

Весна звучит со мной в унисон. Сегодня это особенно заметно. Община меня примет. Я перееду в квартал, где люди улыбаются друг другу. Где не бывает зависти, и все равны. Где моими соседями будут совершенно особые, открытые, светлые люди. Где будет с кем поговорить о Боге.

– Кролик...

Нет, солнце не погасло, капель не смолкла. Зачем этот человек снова здесь? Чтобы отравить мне самый светлый день за последние несколько лет?

– Здравствуй.

– Ну, как, радуешься?

– Да.

Серая стайка монастырских послушниц миновала нас, обтекла, как река островок. Лица у девушек сосредоточенные и погруженные в себя. Светлые лица.

– Есть чему. Прогуляемся?

– Нет.

– А чего ты боишься? Раз священники сказали, что ты им подходишь, то можешь не сомневаться, назад из... из общины не выкинут.

Я кивнула.

– Пойдем. Не бойся.

– Я не боюсь.

– Боишься, кролик, боишься. Все время боишься. Боишься остаться последней и боишься оказаться первой. Боишься меня и себя боишься. Себя – больше всего. Я помню, в школе у тебя были темные волосы. Зачем ты их красишь в этот невнятный цвет? Разумеется, чтобы не привлекать внимания. И мордашку не подкрашиваешь никогда, даже губы, я прав? Вот прямо сейчас... тебе же не нравится, что я называю тебя Кроликом. До жути, до отвращения. Но ты терпишь. И не из христианского желания смирить гордыню,

а потому что боишься возразить. Боишься конфликта. Боишься оказаться проигравшей.

– Перестань, пожалуйста. Это все неправда.

– Правда. Только ты ошибаешься. Ты думаешь, что «кролик» – это кривые зубы и длинные уши...

...и толстая задница. И маленькие красные глаза...

– А вот и нет. И даже совсем нет. Ты Кролик, потому что уже сейчас рядом свернулся удав. Но ты не убегаешь, не прячешься. Ты смотришь в глаза удава и покорно ждешь, когда тебя начнут есть.

– А удав – это ты.

– Хм... ты мне льстишь. Нет. Я уже говорил, что не питаюсь кроликами.

– Значит, ты думаешь, что удав – это отец Евстигней? Глупо. А ты... сам ты веришь в Бога?

Усмехнулся, переспросил:

– А ты?

– Да.

– Тогда рассказывай. Все, что сейчас собиралась сказать.

Ну! Смелее!

Эта издевательская подначка заставила ответить:

– Не станешь же ты возражать, что в преддверии конца света...

– Вспышка сверхновой – это физический процесс. Это еще не конец света...

– Для человечества – конец. Так вот. В преддверии Кон-

да света как раз и важно всем нам, всем людям, задуматься о вечной жизни, о том, какими мы предстанем перед Ним в день Страшного суда...

Я сама почувствовала, как нескладно, как жалко выглядят мои слова. Почему, когда говорит отец Евстигней, все так значимо и убедительно, а я снова запуталась, забыла, о чем хотела сказать.

– Мы не должны грешить... ради тех, кто придет следом за нами... ради...

– С грехами – понятно. А что мы должны делать? Все это время? Всю сотню лет?

– Не грешить... молиться... вести праведный образ жизни...

– Подробней, Кролик! Подробней!

– Соблюдать заповеди... Быть... честными...

– Я уже понял про то, какими мы должны быть. Ты скажи, Кролик, что именно мы, такие все из себя праведные, должны делать?

Отец Евстигней что-то говорил об этом... не так давно даже...

Нет. Не вспомнить. Хотя...

– Строить храмы. И молить Господа о прощении.

Мы остановились у перекрестка. На той стороне улицы утыкала маковки в небо нарядная церковь. Напротив отсвечивал рекламными щитами супермаркет. Над всем этим сплетали черные кляксы веток старые клены.

– Не туда смотришь. Ниже.

Ниже... да что там такого интересного? Тротуар. Люди. Машины.

– Смотри, сколько нас. Много, правда? И все разные... среди нас есть настоящие праведники. Они живут по заповедям и всегда готовы помочь в трудную минуту. И ты знаешь, большинство из них не имеет отношения ни к христианству, ни к религии вообще. Среди нас есть анархисты. Есть бродяги и профессиональные нищие. Солдаты... цыгане. Смотри, смотри, Кролик. Это не просто так. Видишь? Большинство попросту не верит, что вспышка будет. Кто-то ищет утешение в водке. Это только кажется, что их мало. Кто-то старательно не думает об этом. Но все они – живые. И только немногие похожи на тебя. Очень, очень мало...

– Одурманены религией? Прячутся от объективного мира за толстыми и надежными стенами монастырей?

– Кролик ты кролик... нет, конечно. У нас удивительная страна. Институт церкви за какие-то считанные годы стал инструментом правительства, «христианством по госзаказу», а никто и не заметил. Нет. Удав – это уж никак не церковники. Куда им.

Я вдруг вспомнила:

– А ты знаешь, что означает слово «списали?»

Он ничуть не удивился.

– Точно, конечно, не знаю, но догадаться могу. «Списали» – значит, пустили в общину. Дали возможность посвя-

тить жизнь богослужению. Ты вспомнила того мальчика с арматуриной, так? Скорей всего, его мать оставила семью ради... более высокого служения.

– И кто же такой этот удав?

– Чего ты боишься?

– Окончателности. Бессмысленности. Пустоты...

Молчание повисло между нами – но не беззвучие. Какое уж тут беззвучие, в разгар весеннего дня! Воробьи орут, капли стучат по лужам. Шаги шуршат.

Я устала. Чего он от меня хочет? Почему не оставит в покое?

– Ярослав, я не очень понимаю, чего ты от меня хочешь? Зачем ты тратишь на меня свое, не сомневаюсь, драгоценное время?

– Отец у тебя хороший человек был... можешь считать, меня гложет чувство невыполненного долга.

– А...

Чувство долга. Вот как его, оказывается, можно понимать...

– Скажи, Кролик... а когда отец был жив, ты к священникам так же бегала?

Отец умер внезапно, от инсульта. На работе. Скорая не успела помочь. Но, кажется, все началось, когда он еще был жив. Да что я... постоянно занятый академик и дома-то бывал не чаще раза в две недели.

Сначала я просто подходила послушать. Так делают мно-

гие горожане, из любопытства, или из интереса. Потом одна женщина из общины заметила меня. Мы разговорились. Она рассказывала с такой неподдельной искренностью, с таким чарующим вдохновением... она пригласила меня в теологический клуб... да. Именно тогда.

Эти люди действительно были другими. Светлыми. Готовыми выслушать, поддержать, помочь.

Я не ответила, но, видимо, что-то такое отобразилось на моем лице, потому что Ярослав не стал настаивать.

Так дошли до троллейбусной остановки. На ней толпились сизые голуби.

– Я зайду вечером. В последний раз. – Хмуро бросил мой бывший одноклассник. – Твоя маршрутка. Ну, давай! Не бойся!

Дверца захлопнулась.

Не смотри в окно, уговаривала я себя. Не вздумай! Еще подумает, что тебе интересно...

Но свободное место было именно у окна. Именно у того самого окна, в которое нужно смотреть, чтобы увидеть.

Ярослав, ссутулившись, отошел к деревянному строительному забору, неожиданно для меня присел там на корточки и спрятал лицо в ладони.

Я попыталась представить, в какой ситуации могла бы принять такую позу. Представила. Если плохо сделала работу, а поправить невозможно. Важную работу.

В чем он собирался меня убедить? И почему меня? Он

обещал вечером зайти. Вечером все разъяснится.

Красный обшарпанный «Икарус» брызнул на повороте бурой водой с осколками льда. Ну вот. И Дюшка уехал. Все нитки обрезаны, все тропки исхожены. Я одна, и ничто не мешает воплотить заветную цель.

И никто уже не помешает.

О чем жалеть? Людей близких у меня и раньше почти не было. А за последний год я растеряла, не то, что всех прежних друзей, даже знакомых. Даже случайных знакомых. До вечера несколько часов. Можно погулять, по пути наслаждаться весенним днем, любоваться куполами храмов, сплетениями темных ветвей, игрой солнца в гранях сосуллек. Потом, дома, навести окончательную чистоту, накинуть на мебель чехлы. В эту квартиру я больше не вернусь. Сготовить ужин...

Но почему только от одной мысли об этом становится тошно? И почему я продолжаю мысленный диалог с Ярославом, хотя давно нужно бы выкинуть это из головы. Все дело в том, что я понять не могу, чего он хочет. Ему надо меня в чем-то убедить, отчаянно надо, я это уже поняла. Но в чем? В том, что я – Кролик? Беззащитная зверушка, уставившаяся в глаза удава? А кто удав? Я не вижу. Сам-то он хоть видит? Или ему не важно, чем меня зацепить, лишь бы зацепило?

А ведь зацепило. Откуда он взялся? Зачем? Кто его послал?.. нет, последний вопрос продиктован паранойей. Кто

его мог послать? Ко мне? Смешно. Я не академик Кротов. Я его бесталанная, ничем не примечательная дочка...

Дома, вместо того чтобы заняться делом, уселась напротив телевизора. Показывали светские новости. Про коллективное самосожжение сектантов в Курске, про гастроли симфонического оркестра. Показали даже коротенький сюжет о «Звездной армаде», которая вот-вот должна стартовать от орбиты. «Армада»... Русская версия американского «Ковчега». Десять лет назад этот проект называли «детисцем академика Кротова». А я гордилась знаменитым папой.

Корабли «Армады» битком набиты генетическим материалом Земли и землян. Растения, животные, люди. Рыбы, птицы, насекомые...

Наивный порыв отчаявшихся ученых, которые точно знают, что мирное наше, стабильное желтое солнышко через сто лет перестанет быть таковым. Собственно, уже перестало. Необратимые процессы в его недрах уже начались. И вероятность ошибки с каждым годом все меньше и меньше.

На кораблях «Армады» и люди полетят. Кто-то в анабиотическом сне. Кто-то нет. И если полет может осуществляться автоматически, то за сложным оборудованием, за всеми этими инкубаторами-хранилищами нужен обязательный пригляд.

Отец мало рассказывал. Он вообще со мной мало говорил. Я его жалела.

Понимала всю бессмысленность их потуг, и жалела. Мо-

лилась за них.

Слишком мало шансов. Вспышка неотвратима, как приход весны...

Выключила телевизор. Зашла в Интернет. В почтовом ящике болталось одинокое письмо, датированное прошлым месяцем. Спам.

Все. Нет никаких старых связей. Завтра начнется другая жизнь. Я ее жду. Жду? Конечно. Конечно.

Когда позвонили в дверь, я побежала открывать почти с облегчением. Муторное ожидание прощального визита Ярослава Смирнова не давало спокойно сосредоточиться ни на одной мысли. И вот...

– Привет, крольчатина. Можно войти?

– Заходи.

– Тускло у тебя. Болеешь?

– Нет.

На нем серая водолазка и черные брюки. Прическа, чуть сбита ветром, но он этого не заметил. Общее ощущение легкой небрежности при идеальном вкусе. И эта язвительная улыбочка уже наготове. Уже работает.

– А братец где?

– Уехал. К тете. Я только что проводила.

– Правда?

Эта новость отчего-то обрадовала моего гостя. Не сильно, а так... в меру.

– Да.

– Ну, даже чаю не предложишь?

– Пойдем на кухню.

Действительно. На кухне спокойней. В гостиной мне как-то не по себе в его компании.

Да здесь и светлей. Можно исподтишка подглядывать за гостем. Пускай это некрасиво и неправильно... но...

А вид-то у него усталый. Я бы даже сказала, измотанный вид. Интересно, где он работает?

Я заварила чай, вынула из холодильника банку варенья. Нарезала булку.

Спросил:

– Ну, как, уже твердо все решила? Завтра пойдешь в общину?

– Да.

– Отцу бы не понравилось.

– Да что ты об этом можешь знать? Не думаю, что он бы даже заметил...

– Заметил бы. Он тебя очень любит... любил.

– Вы были знакомы?

– Да. Я работал у него в программе.

– Так ты один из этих... из «Звездной армады»? Понятно.

– Что тебе понятно, Кролик?

Обмануть нормальный ход истории. Лишить людей... сотни людей... спасения. Истинного и главного. Разве можно это отнять? Разве можно решать за других?

Я повторила вслух:

– Вы лишаете своих добровольцев шанса спастись. Надежда, которую вы дарите, она призрачная. Она отсрочивает неизбежный конец, но не отменяет его. И тогда, когда все человечество встанет пред Богом... Что вы даете вашим добровольцам? Вместо неба, весны, травы – серые коридоры тесных кораблей. На всю жизнь, на всю жизнь, Ярослав. Не чувствовать ветра. Не чувствовать землю под ногами. Не видеть, как приходит лето или зима... И знать, что эта дорога – дорога в никуда.

– Кролик, да ты поэт!

Я осеклась. Поэт? Ну что же... может быть. Но как же больно-то. За что он меня так... я не заслужила. Что я ему сделала такого, что он меня так ненавидит? Почему?..

– Я не кролик, слышишь? Не кролик!!!

Слезы душат, слезы властно рвутся наружу, вместе со злостью, ненавистью, болью...

– Я не кролик, не называя меня так! И нет никакого удава!!! Ты его сам придумал! Зачем я тебе? Зачем ты пришел?

Я сорвалась. Постыдно, глупо сорвалась. Я думала, никогда больше со мной такого не случится.

Истерика – это противно со всех сторон. Особенно, когда она начинает проходить, и ты вдруг обнаруживаешь себя прижатой к чьей-то широкой груди, и этот ненавистный кто-то гладит тебя по плечам, да еще приговаривает:

– Тсс! Тихо. Молодец, умница, так бы сразу... давай,

плачь, пристукни меня... вон сковородкой и пристукни. Она у тебя чугунная? Самое то...

– ...алюминиевая...

– Это хорошо, значит, выживу. Не стесняйся плакать, Анечка, это куда лучше, чем терпеть...

Я высвободилась. Ушла из кухни.

У меня в гостиной висит зеркало. Большое старинное зеркало в тяжелой раме. Еще бабушкино. Оно немного искажает реальность с расстоянием. Не кривое еще, но уже неправильное, странное зеркало. Вот именно в глубине этого зеркала мы и встретились взглядами.

Я услышала из-за спины:

– Живешь свою жизнь, словно отбываешь срок. Хочешь знать, кто твой удав, Аня? Неужели еще не догадалась? Ты сама. Этот твой страх. Привычка бояться. Твой отец прав – нельзя человека заставить жить, пока он сам не захочет. Старик думает, что тебя нужно оставить в покое, пока сама не пожелаешь чего-то большего. Но я помню тебя иначе. Было время, когда ты не боялась, ведь так?

– Я не знаю.

– Это твое кроличье смирение... ну почему именно за него ты держишься? Проваливаешься в него, как в колодец, а все равно держишься. Почему не за гордость? Ведь она у тебя есть, черт возьми... ну что я опять не так делаю? Аня. Если ты уйдешь в общину, назад хода не будет. Это не монашество, не служение. Это другое. Ты даже сама не пред-

ставляешь, насколько другое. Тебе не захочется оттуда выходить. Но я здесь только потому, что точно знаю, там тебе будет еще хуже. Ты не станешь меньше бояться. И так же будешь бояться собственных действий и мыслей. И ты... снова станешь деревянной.

– Деревянной?

– Смирившейся. Отбывающей срок.

– Как будто у меня есть выбор. Как будто у всех нас есть надежда на что-то, кроме Бога.

– Есть. Надежда всегда есть. На проект «Солар», над которым работают сейчас лучшие умы планеты. Суть его – «отвести» лишнюю энергию, разогревающую солнце. И не нужно забывать про космические звездные проекты, «Ковчег» и «Звездную армаду». На... Аня. Но даже если все это – мышиная возня перед носом дракона. Остается еще надежда, что вспышки не будет. Пусть этот шанс – один к тысяче. Видишь ли, многие ученые полагают, что Солнцу просто не хватит массы на серьезный взрыв. Что будет в таком случае – кто знает? Может, выброс энергии окажется настолько сильным, что счистит с нашей планеты атмосферу, слизнет все живое. А может, Земля отделается исключительно красивым северным сиянием где-нибудь на экваторе...

– А ты? Во что веришь ты, если не в Бога?

– В то, что у нас получится. Все, как задумали. Вот прямо сейчас я предлагаю тебе тот самый вид надежды, которого ты так боишься. «Звездная армада». Космос. Вот пропуск.

Последний старт через пятнадцать дней.

– Я не хочу. Я не смогу так жить. И... что я там буду делать? Кому я там нужна? Почему ты сейчас возишься со мной, а не с кем-то более нужным?

– А так же более умным и красивым. И менее самокритичным. И менее испуганным... Ну ты что, хочешь, чтобы я снова назвал тебя Кроликом?

– Кролик не может победить удава.

– Предупрежден, значит вооружен.

– Словоблудие. Кролик никогда не победит удава. Он может только убежать.

– В общину? Это, конечно, надежная норка. Но она еще и безнадежная. Лично для тебя безнадежная, а не для других. На твоей страничке в сети висят замечательные стихи. Последний написан год назад. Ты не задумывалась, почему?

– Нет.

– Задумайся.

– Не хочу.

– По крайней мере, честно. Анька. Вот пропуск. Обещай сразу не выкидывать. И помни, у тебя самое большое – две недели.

– Пускать туда этого вашего... это была ошибка. Он ее только унизил и настроил против себя. Мир, каким он нам представляется и то, какой он есть на самом деле, это два разных мира. Чтобы понять это, не нужно быть профес-

сионалом. Оставьте в покое девушку. – В голосе психолога слышится скрытая досада.

Профессор Кротов пожмает плечами. Спорить ему не хочется. А последнее слово все равно будет за ним:

– Я не могу. Я ее вытащу. Если понадобится, сам.

– Как? Система не пустит вас обратно. Академик Кротов умер, забыли? Нет вас там. И быть не может! Благодарите бога, что есть этот священник. Он, во всяком случае, даст ей то, чего она желает. Именно ту жизнь и смерть, к которой она готова.

– Это не честно. Почему другие вышли, а она там застряла? Она всегда была очень стойкой девочкой.

– Может быть, может быть. А этот ваш Ярослав... он только усугубил ситуацию. Его авантюра провалилась, не начавшись. Она выждет эти две недели, и все равно уйдет в стазис. А энергия будет уже истрачена. Сколько она так протянет? Месяц? Два? А если бы она попала в общину сегодня, у нас был бы год. На то, чтобы придумать, как ее вытянуть. Я предлагаю запретить ему...

– Подождем.

– Чудес не бывает.

Что я здесь делаю? Лучи рассвета скользят по взлетной площадке. Стою у границы тени от челнока.

– Я знал, что ты придешь.

– Я только спросить. Зачем тебе это нужно? Тебе лично.

– Я, правда, многим обязан твоему старику. Да и все мы, если на то пошло. Но дело даже не в этом.

– В чем?

– А вот:

«...ничего не уходит просто.

Все живет в нас, углы и стены.

Мы, однажды покинув гнезда,

гнезда строим по старым схемам...»

Про нас, не находишь?

Господи, да что можно найти в этих встрепанных пыльных стихах? В древних моих архивах, по недоразумению не удаленных из сети...

– Пойдешь со мной?

Я посмотрела на громадину корабля. На всю жизнь. Господи, на всю жизнь... и без всяких шансов на положительный исход.

Еще настойчивей:

– Пойдешь со мной?

– Я не...

– Аня, Анечка. Это не вход, поверь мне. Это уже выход. Выход, понимаешь? Мы прилетели. Мы добрались... И у нас слишком мало времени, чтобы ждать. Сработает автоматика, система отключится, перейдет на энергосберегающий режим. Всех, кто еще спит, у кого не получилось проснуться,

или кто не пожелал просыпаться, она упакует в стазис. А это уже отложенная смерть. Видишь, я ничего не скрываю. Со всем ничего. Ну, пойдешь?

– А что нужно делать?

– Давай руку и пошли.

У него оказалась холодная ладонь. Сухая, холодная.

Гул двигателей большого корабля не разрушает тишину – только подчеркивает ее, делает явной. В анабиозном отсеке пахнет лавандой и капельку – аптекой. Зеленоватые стены отражают свет.

– Проснулась. – В голосе психолога скользит тень удивления.

– Я же говорил, получится! Анька, ну ты меня напугала. Надо же быть такой упрямой ослицей...

– Папка?

– С возвращением.

– Пап, а Ярослав, он где? Он тоже здесь?

– Нет, родное сердце. Вот как раз он – там.

– Почему?

– А ты думаешь, ты одна такая упрямая? Есть и другие... кролики. Которых надо успеть вернуть.

– А если...

– Никаких «если». Ничего с ним не будет, с твоим Ярославом. Ничего. Вот увидишь!

Нина ВЕСЕЛОВА

БУМЕРАНГ

1

Если вы почти прожили жизнь и до сих пор считаете, что судьба наша в наших руках, то мне искренне жаль вас!

Так могла бы сказать Руся, несмотря на свои двадцать. И у неё были для такого заявления веские основания.

В тот день они договорились встретиться с подругой в Центральном доме литератора. Нет, они вовсе не были его завсегдатаями, да и жила тогда Руся не в Москве. Просто приехала по каким-то студенческим надобностям, и – повезло! – подвернулись билеты на интересный вечер.

Ещё стояла зима, но воздух в солнечный полдень уже наполнялся весенней истомой. Кровь в Русиных жилах бурлила и бунтовала, и ничего нельзя было с этим поделать. Впрочем, само по себе это не имело к случившемуся никакого отношения. Тем более что в тот предвечерний час в столице уже всерьёз подморозило, как всегда бывает в природе перед настоящим таянием.

Чтобы не замёрзнуть, Руся зашла в здание и стала поджидать подругу в фойе. Двери почти не закрывались, люди шли и шли и поспешно направлялись к гардеробу. Там даже скопилась небольшая очередь, и она не убывала, а росла. Обслуга брезгливо принимала пальто у простых смертных и, как подачку, швыряла номерки на барьер, зато знатных и нарядных встречала подобострастными улыбками и воркованием. Русе захотелось поскорее снять и спрятать свою старенькую курточку.

В тот момент, когда она раздумывала над этим, в людском потоке за окном возникла задержавшаяся подруга. Она извинительно жестикулировала и что-то говорила, а Руся в ответ кивнула. И тут же увидела... она глазам своим не поверила, потому что следом в двери зашёл *он*! Руся отпрянула к стене и обмерла с закрытыми глазами: это было *невероятно*!

Возможно ли объяснить, что *он* для неё значил! Тот, кто не пережил подобного, всё равно не поймёт, почему она ловила слухом в окружающем мире только *его* имя, выхватывала с газетной полосы только родное сочетание букв – *его* имя, засыпала и просыпалась только с одним словом на устах – с *его* именем. Он был реален и нереален, потому что недоступен, как бог. И вряд ли она посмела бы сама, по своей, не вышней воле, пойти ему навстречу. А теперь...

Теперь он, нахмуренный, деловой походкой прошагал к опустевшей раздевалке и отдал пальто. Руся видела это сквозь туман, застлавший глаза, и никак не могла разобрать,

о чём пытается говорить с ней подруга. Слепо сунув курточку в гардероб, она так же машинально рванулась туда, где мелькала, удаляясь, его спина в сером пиджаке. Подруга схватила её за плечо, указывая на лестницу, по которой нужно было подниматься в зал, и на циферблат, где стрелки уже миновали назначенное время. Но Руся была неменяема, и что ей был ошеломлённый взгляд, которым её проводили? Всё это было из какой-то давней уже, прошлой жизни, не имевшей ни малейшего отношения к тому, что началось теперь.

Потом, перебирая в памяти детали случившегося, Руся в ужасе спохватывалась, что *ничего могло бы и не быть*. Ведь она могла вовсе не приехать в Москву в этот день. Они могли не раздобыть нужных билетов. Да и подруга могла и должна была не опоздать, а потому они вовремя заняли бы места в зале и знать бы не знали, *кто* появился чуть позже в другом уголке старого особняка. Да и *он* – привели же его дела сюда именно в этот день и в этот час! Почему? Кто повелевал этим? Кто направлял и исправлял их обычные человеческие планы? Для чего?

Наверное, такие моменты и зовутся судьбоносными. Человеку предстоит самому выбрать своё будущее, чтобы после не на кого было пенять, кроме себя.

И Руся, не раздумывая, шагнула *за ним*. И тоже встала в очередь за кофе. Она могла бы быть следующей, сразу *после него*, но у неё не хватило отваги ощутить его столь близ-

ко.

Очень кстати между ними вклинилась полная томная дама в меховой накидке и засуетилась, разглядывая из-под очков ценники. Он явно тяготился этим заспинным соседством и постукивал о прилавок узловатыми пальцами. На приветствия отвечал лишь кивком, не желая вступать в разговоры, и, взяв две чашки кофе, удалился за пустой столик в углу зала.

Руся, ловившая каждый его жест, воодушевилась: можно успеть как бы ненароком сесть рядом! Но не тут-то было. Вальяжная дама впереди сначала долго тыкала лаковым ноготком в меню, соображая, что выбрать, затем неспешно копалась в сумочке, разыскивая разменные купюры, пока кто-то с конца очереди своими деньгами не помог женщинам разойтись.

А *он* в это время уже допил первую порцию! У Руси замерли дрожавшие коленные чашечки, а потом запрыгали ещё сильнее. Подсесть к нему просто так, без кофе? Невозможно! Но и дожидаться очереди не получалось. Из служебных дверей вдруг вынесли лотки со свежей продукцией, и кудрявая буфетчица, достав из-за уха чернильный карандаш, взялась за накладные. У Руси помутилось в голове: *он* допивал вторую чашку!

Она закрыла глаза и отёрла рукой вспотевший лоб. То ли это было замечено, то ли милостив тот, кто выше, но буфетчица подняла взор и спросила:

– Вам что?

И быстро выдала нужное.

Руся неслышно опустилась на стул рядом с *ним*. Никто третий не смог бы пристроиться за уединённым столиком, никто не мог ей теперь помешать. Опустив взор, она взяла в немеющие пальцы чашечку и поднесла её к губам. Содержимое колебалось в ней, как при маленьком шторме.

Он в это время залез в карман пиджака, вынул пачку сигарет и принялся распечатывать её.

Сейчас он сделает это, поднимется и уйдёт. Надо было решиться! И Руся, не узнав собственного голоса, спросила:

– Это не очень смешно, что у меня руки дрожат?

Он не понял сначала, что вопрос обращён к нему, затем пристально глянул Русе в глаза и ответил настороженно:

– Не смешно, нет... А что случилось?

Господи, и это *он* спрашивал, что случилось! Да она едва не упала в обморок, словно барышня из классического романа! Хотя, если верить писателям, девушки в те времена не могли себе позволить ничего, кроме как безвольно дожидаться решения своей женской участи. Руся на такое не согласилась бы. И теперь, когда всё зависело только от неё, она смирила в себе вдруг подступившие слабость и отчаяние, уставилась в коричневую тьму в чашке и молвила:

– Я люблю вас... И простите, что так, сразу... У меня нет другого выхода.

Он рванул на пачке уголок, и две сигареты выкатились

на стол прямо в небольшую кофейную лужицу. Руся не подняла глаз, а затем услышала, как во сне, глуховатый голос:

– Вам кофе взять?

Она молча кивнула.

2

Вера Егоровна допечатывала последнюю страницу, когда зазвонил телефон.

Робкий девичий голос в трубке осведомился:

– А Вадима Семёновича можно?

– Его нет, он будет вечером, – привычно ответила Вера Егоровна и поинтересовалась. – А что ему передать – кто звонил?

– Я председатель литературного объединения при заводе, – пояснил голос, – и мы хотели бы попросить его встретиться с нашими участниками. Как вы думаете, он не откажет?

– Думаю, что нет, – сказала Вера Егоровна, зная, что муж действительно охотно откликнулся на просьбы всех начинающих.

– Хорошо, я перезвоню, – дисциплинированно ответили на том конце провода. – Всего вам доброго.

«Вам тоже», автоматически подумала Вера Егоровна и удивилась, поймав себя на неожиданном желании слышать этот завораживающий голос ещё. Она даже глянула в недо-

умении на коротко попискивающую трубку и, опустив её на рычаг, усмехнулась над собой: вот это, наверное, и называется – начать выживать из ума. Когда-то ведь такое всё равно должно произойти, почему бы не теперь?

Едва она закончила печатать рукопись мужа, забарабанили в дверь – явилась из школы дочка. Сколько ни пыталась Вера Егоровна отучить её от этой привычки – стучать, а не звонить, ничего не выходило. Она не умела настаивать и забывала об очередных своих «последних» предупреждениях. Видимо, и впрямь она, после большого перерыва опять став матерью, слепо поддалась родительскому инстинкту, до толе дремавшему в ней. Всё, чего она так усердно добивалась в своё время от старшей дочери, живущей сейчас далеко и своей семьёй, и чего она от неё добилась, казалось теперь неважным и даже неразумным. Наверное, не просто она сама за минувшие годы изменилась, наверное, тут играло роль и другое. Младшая дочка была рождена от любви, и хоть к обеим девочкам Вера Егоровна относилась, как ей казалось, одинаково, к общению с младшей всё-таки примешивалось своего рода безумие. Глядя на неё, Вера Егоровна сердечным взором видела своего Вадима, и всё, что прежде могло её раздражать, теперь превращалось в нежность и умиление.

Вот и сейчас она поймала себя на этом, проследив, как небрежно спихнула Лида у порога свои сапожки и как они остались стоять посреди коридора носами в разные стороны.

Вся – вылитый отец, и можно ли с этим бороться, нужно ли?

Лидочка чмокнула мать в щёку и вывалила на свой письменный стол содержимое портфеля.

– Гляди! – она раскрыла дневник и протянула пестревшую красным страницу. – Опять ни одной троечки! А по зоологии даже пять!

– Так и должно было быть всегда, – как можно бесстрастней произнесла Вера Егоровна, взявшая за правило не захваливать дочь. – Теперь ты сама чувствуешь, как здорово ничего не пропускать.

Лида потянула мать за руку, и они вдвоём присели на диван.

– Ты знаешь, – сказала дочка, скручивая пальцем локон на кончике длинной, почти до пояса, косы, – мне кажется, что я могу учиться даже на одни пятёрки... если захочу.

– Дело не в отметках, – вставила Вера Егоровна с извечной нравоучительностью, от которой никак не могла избавиться, – их вообще не сегодня-завтра не будет...

– Подожди, не перебивай! – дочка по-отцовски свела брови на переносице. – Я тебе не про это хочу сказать... Знаешь, мне, конечно, не очень нравится проходить все эти инфузории, протоплазмы, вакуоли. Но всё равно зоология мой любимый предмет. И я, наверно, пойду работать в заповедник, с животными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.